

95
3-81

енимъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія десятый.

НОЯБРЬ.

№ 1.

1916.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧЕТВЕРОНОГІЕ ДРУЗЬЯ.

НА БЕРЕГУ.

ОСЕННЕЕ УТРО (стих.).

ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).

ГОЛОВЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дозорная башня—для склеиванія.

„Мама дорогая“—картинка.

картинка.

608640

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

608640 / 1 кк - кк
Российская государственная
детская библиотека

95

3-82

№ 1. Ноябрь. 1916.

Годъ изданія X-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Булдогъ понялъ, въ чемъ дѣло, посадилъ раненаго къ себѣ на спину и съ торжествомъ доставилъ его къ своему хозяину на излеченіе.

ЧЕТВЕРОНОГІЕ ДРУЗЬЯ.

«Умомъ собаки держится весь міръ», говорили древніе индусы. И дѣйствительно, трудно предположить, что было-бы на всемъ земномъ шарѣ, если-бы не было собаки. Вѣроятно, не существовало-бы ни селеній, ни городовъ — однимъ словомъ не было-бы болѣе, быть можетъ, и самого человѣка. Вѣдь въ тѣ далекія времена, когда люди вели кочевой образъ жизни и каждый человѣкъ долженъ былъ полагаться только на однѣ свои силы, онъ и его стада несомнѣнно погибли-бы отъ дикихъ звѣрей, если-бы не было собаки. Дикіе звѣри съѣли-бы и всѣхъ его овецъ, которыми онъ питался и шерстью которыхъ одѣвался, и его самого вмѣстѣ со всѣми его чадами и домочадцами. Но онъ догадался приручить къ себѣ собаку, которая стала предостерегать его отъ нападенія враговъ, и такимъ образомъ уцѣлѣлъ первый человѣкъ и, слѣдовательно, весь человѣческій родъ. Собака вѣрна, благодарна, нѣжна, терпѣлива, прощаетъ обиды и беззавѣтно любитъ своего хозяина. «Я зналъ собаку, говоритъ одинъ ученый,—которая буквально понимала каждое движеніе своего господина; она открывала и закрывала для него дверь, приносила ему стулъ, стаскивала съ него сапоги, подавала ему шапку, разыскивала для него всевозможныя вещи». А пишу-

щему эти строки была извѣстна собака, которая угадывала мысли своего хозяина и исполняла то, что онъ задумывалъ. Эта удивительная собака умѣла находить въ массѣ цифръ, набросанныхъ на полу, именно тѣ, которыя онъ ей мысленно внушалъ, и умѣла отличать веселую музыку отъ печальной. Извѣстны случаи, когда собаки положительно не могли выносить, когда ссорились люди. Завидѣвъ издали спорщиковъ, одна изъ такихъ собакъ бросалась на нихъ съ громкимъ лаемъ и разнимала ихъ. Это былъ датскій догъ нѣкоего учителя Греснера. Со своими обидчиками эта собака поступала очень просто: она хватала ихъ зубами и, не причиняя имъ вреда, приводила ихъ къ своему хозяину; такъ, какому-то барану вздумалось ее боднуть; она подошла къ нему, взяла его за шиворотъ и притащила его домой. Эта собака держала себя въ семьѣ своего хозяина положительно, какъ человѣкъ. Если кто-нибудь заболѣвалъ и ложился въ постель, то она дежурила около больного по цѣлымъ часамъ и не сводила съ него глазъ. Она лизала ему руки, трогала его лапой и клала ему на грудь свою морду. Когда кто-нибудь изъ семьи уѣзжалъ далеко и присылалъ по почтѣ домой посылки, то собака обязательно присутствовала при вскрытіи, прихо-

дила въ восторгъ отъ одного только запаха отсутствовавшего и затѣмъ долго носилась съ ящикомъ, показывала его то одному, то другому, кто не находился при вскрытіи. Она очень забавно играла съ дочерьми учителя: когда онѣ вязали, то она подкрадывалась къ нимъ, и думая, что онѣ не замѣчаютъ ея шутки, стаскивала у нихъ клубокъ шерсти, клала его къ себѣ въ пасть и, какъ ни въ чемъ не бывало, принявъ самый равнодушный и невинный видъ, усаживалась тутъ-же около нихъ и отворачивалась. Начинались поиски за пропавшимъ клубкомъ. Дѣвочки старались не показывать собакѣ, что знаютъ, что клубокъ стащила именно она, и всюду нарочно разыскивали его. Въ это время входилъ учитель. Увидѣвъ его, собака плутовато подмигивала ему, тайкомъ отъ дѣвочекъ открывала передъ нимъ пасть и показывала ему украденный клубокъ.—«А клубокъ-то у меня!» точно хотѣла она ему этимъ сказать.—«Только ты, хозяинъ, пожалуйста, ничего не говори о немъ своимъ дочерямъ!» А дѣвочки въ это время притворно искали свою шерсть и только обращались къ собакѣ съ вопросомъ:—«Ты не знаешь, Томка, куда дѣвался клубокъ?» Томка отворачивался и дѣлалъ видъ, что не имѣетъ объ этомъ и понятія. Промучивъ такъ дѣвочекъ, онъ наконецъ сжаливался надъ ними и отдавалъ имъ ихъ пропажу обратно. Однажды этотъ учитель отправился съ собакой на вокзалъ встрѣчать своего пріятеля. Стоя на платформѣ, онъ смотрѣлъ на подходившій поѣздъ и глядѣлъ на окна вагоновъ, стараясь увидѣть въ нихъ лицо своего знакомаго. Томка тоже глядѣлъ на окна, хотя и не понималъ, для чего это было нужно. Поѣздъ остановился. Тогда учитель крикнулъ собакѣ:—«Бѣги скорѣе въ поѣздъ и осмотри вагоны! Нѣтъ-ли тамъ кого-нибудь изъ нашихъ!» Собака вскочила въ поѣздъ и, сбивая съ ногъ пассажировъ, помчалась по вагонамъ. Возвратилась она грустная и разочарованная: она не нашла никого. Съ поѣздомъ не пріѣхалъ никто. Съ этихъ поръ учитель сталъ посылать на поѣздъ Томку одного встрѣчать гостей въ ночное время. Какъ только поѣздъ останавливался у платформы, Томъ подходилъ къ пріѣхавшему, бралъ у него чемоданъ, повиливалъ хвостомъ и съ гордымъ видомъ шелъ впереди, указывая ему дорогу. Онъ настолько былъ въ этомъ отношеніи понятливъ и послушенъ, что достаточно было сказать ему только:—«Томка, иди встрѣчать гостей!» какъ онъ тотчасъ-же отправлялся на станцію. Этотъ фактъ рассказываетъ намъ знаменитый ученый Брэмъ и, слѣдовательно, не довѣрять ему мы не можемъ. Насколько собаки бываютъ послушны, доказываетъ слѣдующій фактъ. У одного моего знакомаго былъ фоксъ-террьеръ по имени Фран-

тикъ, который очень боялся высоты. Стоило только посадить его на подоконникъ и заставить его поглядѣть на улицу внизъ съ четвертаго этажа, какъ Франтикъ начиналъ дрожать отъ страха всѣмъ тѣломъ. Эта трусость не нравилась его хозяину и онъ приучилъ его глядѣть на улицу внизъ съ пятаго этажа, и при этомъ не съ подоконника, а съ той желѣзки, которая прибита у окна снаружи со стороны улицы. И нужно было при этомъ видѣть послушаніе Франтика: бывало хозяинъ подойдетъ къ окну, откроетъ его и затѣмъ спокойно и тихонько, чуть слышно, скажетъ:

— Франтикъ, потрудитесь поглядѣть, что дѣлается на улицѣ!

И Франтикъ тотчасъ-же послушно бѣжалъ къ окну, вскакивалъ на подоконникъ, спускался на желѣзку и, буквально дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, глядѣлъ съ пятаго этажа внизъ.

Въ собакѣ въ высокой степени развито сознание долга. Въ особенности этимъ качествомъ отличается Ньюфаундлендская порода или водолазы. Эти собаки настолько кротки, честны и добросовѣстны, что въ Англіи и въ Америкѣ, въ прибрежныхъ деревняхъ, имъ поручаютъ присмотрѣть за дѣтьми и трудно представить себѣ болѣе ревностныхъ нянекъ, чѣмъ онѣ. Съ утра и до вечера онѣ ходятъ по лятаямъ порученныхъ ихъ присмотру ребятишекъ, оберегаютъ ихъ отъ опас-

ностей, катаютъ ихъ на себѣ, а если ребенокъ зазѣвается и упадетъ случайно въ воду, то Ньюфаундлендская собака тотчасъ-же бросается вслѣдъ за нимъ и вытаскиваетъ его изъ воды. Одной собакѣ этой породы, по имени Лордъ, былъ порученъ присмотрѣть за пятилѣтней дѣвочкой Фридой. Фрида гуляла по берегу моря, держа на рукахъ свою фарфоровую куклу. Лордъ всюду слѣдовалъ за своей маленькой госпожей, игралъ съ ней, каталъ ее на себѣ и какъ-то странно поглядывалъ на куклу. Затѣмъ они подошли къ самой водѣ. Дѣвочка оступилась, упала прямо въ море и стала тонуть. Кругомъ не было ни души. Тогда Лордъ бросился въ воду, схватилъ Фриду зубами за платье и вытащилъ ее на берегъ. Она была уже безъ чувствъ. Не долго думая, онъ потащилъ ее домой. Бросивъ ее у порога ея дома и вызвавъ громкимъ лаемъ ея родителей, онъ со всѣхъ ногъ бросился обратно къ морю. Добѣжавъ до того мѣста, гдѣ упала Фрида, онъ со всего разбѣга кинулся въ воду и нырнулъ на самое дно. Когда наконецъ онъ вынырнулъ на воздухъ, то въ зубахъ у него оказалась большая кукла Фриды. Онъ прибѣжалъ съ нею домой и положилъ ее на полъ. Но его хозяева были заняты въ это время приведеніемъ въ чувство своей дочери. Тогда Лордъ схватилъ куклу съ пола, поднесъ ее къ стѣнѣ и усадилъ ее. Отъ этого кукла откры-

ла глаза. Лордъ подумалъ, что это она пришла въ себя, и такъ обрадовался, что завылъ во весь свой голосъ.

Когда я былъ мальчикомъ, то мы жили у самага моря. Иногда въ вѣтренную погоду его угоняло отъ берега и становилось мелко. Когда-же вѣтеръ стихалъ, то оно не замѣтно возвращалось обратно. Въ такіе отливы мы часто купались и иногда случалось такъ, что пока мы еще находились въ водѣ, море начинало возвращаться и становилось все глубже и глубже. Тогда мы спѣшили къ берегу, чтобы водою не подмочило нашей одежды или чтобы не утонуть. У насъ были двѣ большія черныя, дворовыя собаки. Всякій разъ когда мы шли купаться, мы брали и ихъ съ собой. Въ одинъ изъ такихъ отливовъ за нами увязались эти двѣ собаки и еще одна маленькая комнатная собака Фисташка. Дойдя до моря, мы раздѣлись и сошли въ воду. Собаки послѣдовали за нами. Было мелко и, чтобы добратся до болѣе глубокаго мѣста, нужно было отойти отъ берега болѣе версты. Едва только мы достигли до того мѣста, гдѣ вода стала доходить мнѣ до шеи, какъ вѣтеръ перемѣнился и море стало быстро прибывать.

— Скорѣй, скорѣй! закричали мнѣ братья. — Возвращайся скорѣе къ берегу, иначе мы утонемъ!

Мы повернули назадъ, долго плыли, потомъ я усталъ и мы пошли уже

по дну пѣшкомъ на цыпочкахъ. Вода поднималась съ каждымъ нашимъ шагомъ все выше и выше и уже доходила мнѣ до глазъ. А до берега было еще далеко. Я положительно выбивался изъ силъ. Собаки тоже плыли за нами. Онѣ почувяли опасность и тоже спѣшили къ берегу. За двумя черными плыла маленькая желтенькая Фисташка. Она совершенно уже выбилась изъ силъ и каждую минуту готова была утонуть. Бѣдняжка, она такъ уже устала, что еле поспѣвала за нами, нѣсколько разъ теряла равновѣсіе и окуналась въ воду. До берега оставалось еще болѣе полуверсты, мы спѣшили и взять на руки Фисташку было невозможно. Тогда Фисташка стала визжать, точно прося оказать ей помощь. И я собственными глазами увидѣлъ слѣдующую картину. Съ одного бока къ ней подплыла одна большая черная собака, съ другого — другая, онѣ взяли ее зубами за уши и такъ и дотащили ее за нихъ до берега. Это былъ первый случай, когда я убѣдился на опытѣ въ способности собаки оказывать помощь своей же собакѣ.

Но извѣстны случаи, когда собака оказывала помощь и другимъ животнымъ, на примѣръ — птицамъ. Такъ, у одного землевладѣльца былъ бульдогъ, который очень любилъ каждые послѣ обѣда уходить въ лѣсъ и тамъ отдыхать на солнышкѣ у подошвы высокой сосны. Гдѣ-то далеко, въ другомъ мѣстѣ, кто-то

выстрѣлилъ въ пролетавшаго мимо ворона. Нѣсколько дробинокъ попало въ него, но воронъ все-таки еще могъ летѣть и, дѣйствительно, улѣтѣлъ отъ своего преслѣдователя. Всю дорогу изъ него капала кровь и, наконецъ, добравшись до той сосны, подъ которой мирно дремалъ бульдогъ, воронъ сѣлъ на одну изъ ея вѣтвей и рѣшилъ на ней одохнуть. Но за полетъ онъ потерялъ много крови, силы оставили его и онъ свалился съ вѣтки и попалъ прямо на бульдога. Тогда бульдогъ обнюхалъ его, повидимому, понялъ, въ чемъ дѣло, посадилъ раненаго къ себѣ на спину и съ торжествомъ доставилъ его къ своему хозяину на излеченіе.

Но самая замѣчательная собака — это Сень-бернарской породы. Этихъ собакъ разводять въ монастырѣ Святого Бернара, расположенномъ на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ, гдѣ зима продолжается девять мѣсяцевъ въ году и гдѣ и лѣтомъ снѣгъ не всегда успѣваетъ растаять. Монастырь этотъ находится на знаменитомъ Сень-Готардскомъ проходѣ изъ Швейцаріи въ Италію. Теперь этотъ проходъ почти заброшенъ, такъ какъ подъ нимъ вырытъ длиннѣйшій въ свѣтѣ туннель, но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ онъ представлялъ собой единственный путь, по которому можно было перевалить черезъ уходящій за облака Альпійскій хребетъ. Путешествіе по этому перевалу возможно было толь-

ко лѣтомъ, осенью-же и зимою всѣ дороги и тропинки на немъ были занесены снѣгомъ, съ горъ сваливались цѣлыя снѣжныя лавины и засыпали собою путниковъ. Они или сбивались съ дороги или-же сваливались въ какую-нибудь непредвидѣнную бездну и тамъ замерзали. Чтобы оказывать имъ помощь, при монастырѣ держутъ собакъ. Ежедневно два монаха берутъ съ собою собакъ и обходятъ съ ними всѣ ненадежныя мѣста. Впереди бѣгутъ собаки, нюхаютъ воздухъ, обнюхиваютъ каждый подозрительный предметъ и, попавъ на человѣческой слѣдъ, съ громкимъ лаемъ бѣгутъ по нему, роютъ снѣгъ, прислушиваются и ищутъ. Найдя замерзающаго человѣка, онѣ начинаютъ откапывать его, лижутъ своими теплыми языками ему лицо и руки и стараются обратить его вниманіе на флаконъ вина, привѣщенный къ ихъ ошейнику. Затѣмъ съ радостнымъ визгомъ, онѣ бѣгутъ къ монаху, тащутъ его къ своей находкѣ и помогаютъ ему откопать ее изъ подъ снѣга и доставить въ монастырь. И много такихъ несчастныхъ путниковъ спасли эти собаки. Но самую необыкновенную изъ нихъ была собака Барри. Она нашла и откопала изъ подъ снѣга болѣе семидесяти человѣкъ, она возвратила къ жизни нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей и однажды нашла засыпаннымъ лавиной цѣлый дилижансъ съ пассажирами и ло-

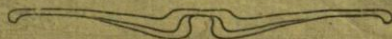
шадьями. Уже будучи старой и больной, она почуяла изъ монастыря за нѣскольکو верстъ впереди пропавшаго ребенка, выбѣжала изъ монастыря, пропадала нѣскольکو часовъ и возвратилась обратно съ драгоценной ношей на спинѣ. Полузамерзшій мальчикъ, найденный ею и откопанный ею изъ подъ снѣга, сидѣлъ у нея верхомъ на спинѣ и, обхвативъ ее обѣими рученками за шею, сладко на ней дремалъ. Она сумѣла его такъ принести, что онъ не свалился съ нея и могъ даже на ней заснуть. И теперь, на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ, недалеко отъ Сень-Бернарскаго монастыря, красуется памятникъ поставленный благодарнымъ человѣчествомъ этой благородной, самоотверженной собакѣ.

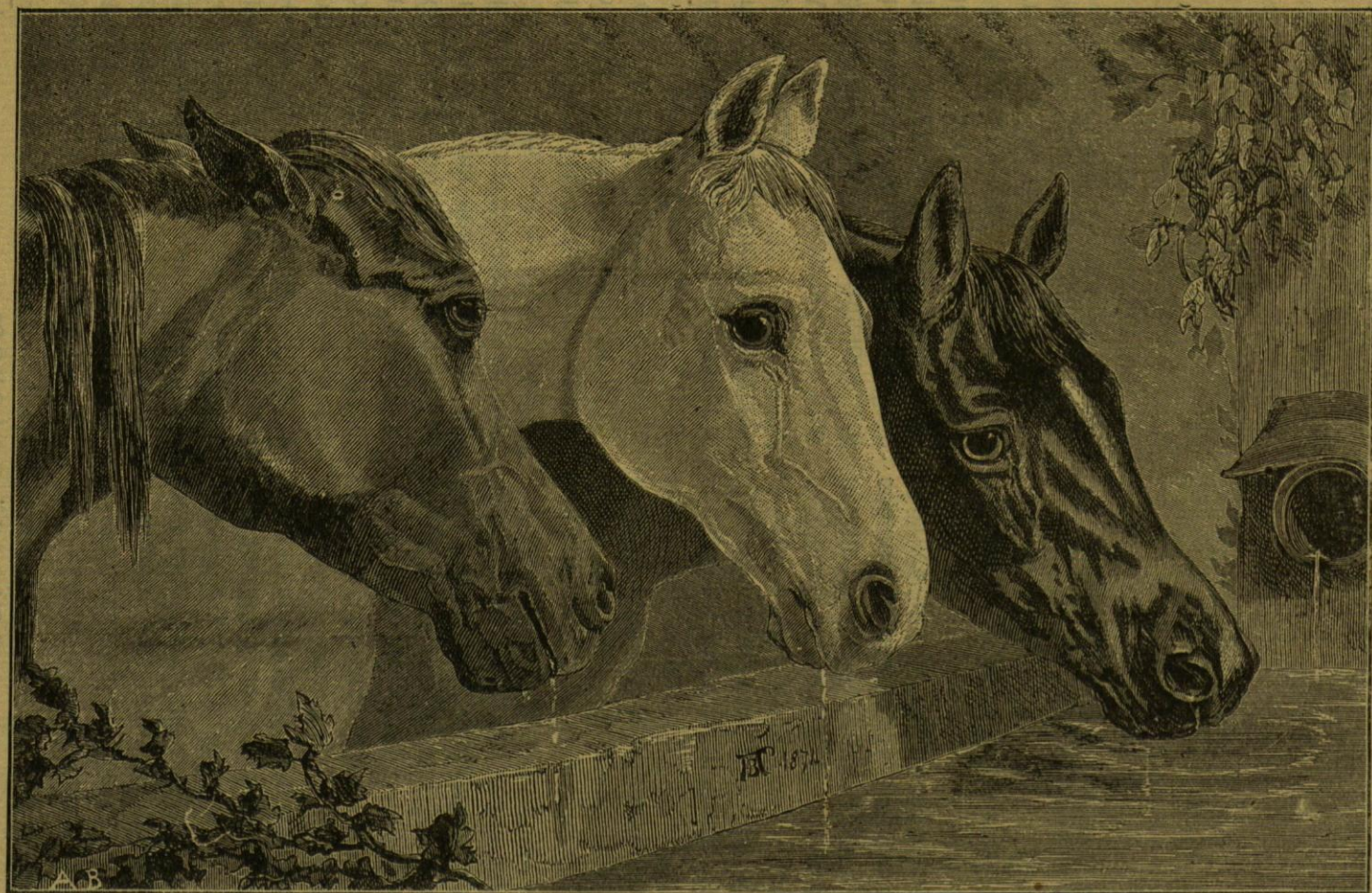
А какія нѣжныя материнскія чувства у собакъ! Возвращаюсь къ той-же нашей маленькой, желтенькой Фисташкѣ. Мы должны были переѣхать изъ наемной квартиры въ свой собственный домъ. Случилось такъ, что въ самый день переѣзда у нашей Фисташки роди-

лись щенки. Не желая ее беспокоить, мама оставила ее подъ присмотръ какой-то старушки, въ нашей бывшей квартирѣ. Мы переѣхали и заночевали въ первый разъ въ своемъ собственномъ домѣ. На утро къ намъ вдругъ прибѣжала Фисташка, посуетилась, повиляла хвостикомъ, поѣла и убѣжала. Затѣмъ мы увидѣли, какъ не смотря на дальность разстоянія, она стала переносить въ зубахъ своихъ щенятъ по одинокѣ къ намъ на новое жительство. Перенеся ихъ всѣхъ четырехъ, она устроила ихъ въ уголку въ кухнѣ и такъ и не покидала ихъ, пока они не выросли настолько, что ихъ можно было раздать знакомымъ.

«Сабака умѣетъ любить хозяина даже и тогда, когда онъ ей причиняетъ зло», говоритъ индійская мудрость. Сколько разъ человѣку нужно было-бы брать примѣръ съ собаки, чтобы стать лучше и научиться у нея терпѣнію и незлобивости, столь необходимымъ, чтобы имѣть право намъ называться людьми!

С. Вершининъ.

У водопоя.

НА БЕРЕГУ.

На дворѣ бушевала непогода. Вѣтеръ, какъ угорѣлый, носился вдоль берега, гудѣлъ въ трубѣ, поднималъ солому на крышѣ и хлопалъ ставнями избушки. Непокойное море рвалось къ землѣ, но сѣверо-восточный вѣтеръ угонялъ его отъ береговъ и оно ревѣло теперь такъ, что шумъ его волнъ слышался за нѣсколько верстъ отъ берега. Старички сидѣли передъ огнемъ, опустивъ головы и погружившись въ глубокія думы. Время отъ времени, точно отвѣчая своимъ мыслямъ, старушка глубоко вздыхала и говорила:

— Гдѣ-то онъ теперь?

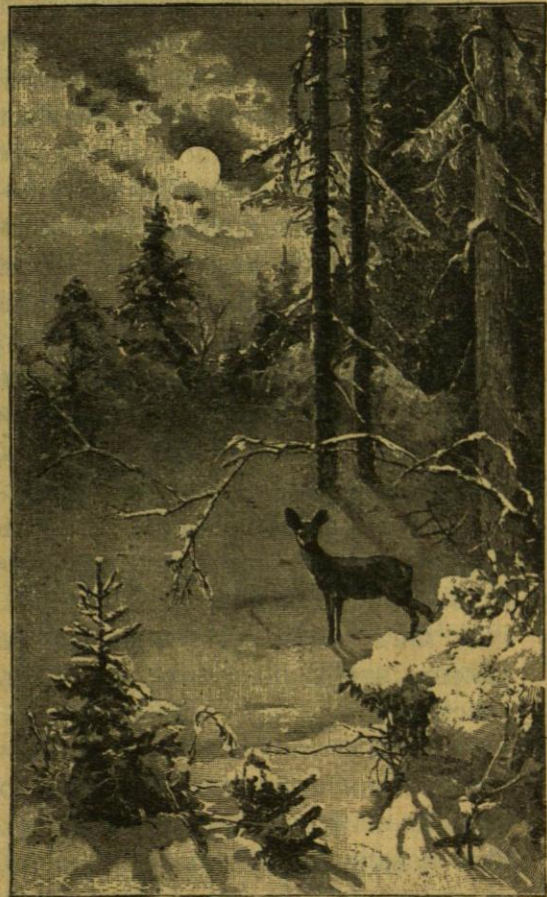
Старичокъ ей неизмѣнно отвѣчалъ:

— Да, гдѣ-то онъ теперь? Кто знаетъ.

Они думали о своемъ внукѣ Васѣ.

Ихъ дочь была выдана замужъ далеко и скоро умерла на чужбинѣ, оставивъ трехлѣтняго мальчика Васю. Одинокіе, ненужные никому, старички воспитали этого Васю и не чаяли въ немъ души. Но между ними и имъ было мало общаго, онъ скучалъ и чувствовалъ себя такимъ-же одинокимъ, какими были и они. Ему недоставало сверстниковъ, школы, его интересовало море и онъ сильно хотѣлъ быть морякомъ. Это приводило стариковъ въ ужасъ. Онъ обожалъ море. При

видѣ парусныхъ лодокъ онъ приходилъ въ волненіе, а далекій дымокъ парохода заставлялъ его переноситься мыслями къ инымъ людямъ и берегамъ, гдѣ пальмы касались вершинами небесъ и гдѣ зрѣли апельсины и въ вѣтвяхъ деревьевъ суетились обезьяны и попугаи. Цѣлыми часами онъ просиживалъ на берегу

Лѣсная тишь.

и глядѣлъ на горизонтъ и когда возвращался къ себѣ въ избушку, то она казалась ему тѣсной и неприглядной и его еще больше начинало тянуть въ далекіе, невѣдомые края. Ему жаль было стариковъ, что они жили такъ бѣдно, онъ хотѣлъ имъ помочь, но они не отпускали его отъ себя на заработки и такъ проходили дни за днями.

— На кого-же мы останемся? говорили они.—Вѣдь мы и такъ совершенно одни!

И онъ, наконецъ, не совладѣлъ съ собой и все-таки оставилъ ихъ однихъ. Какой-то матросъ, знавшій еще его покойнаго отца, сманилъ его къ себѣ на баркасъ и увезъ его въ ближайшій портъ. Тамъ онъ поступилъ на какой-то иностранный пароходъ—и съ тѣхъ поръ никто не зналъ, гдѣ онъ плавалъ и былъ-ли онъ живъ и здоровъ.

Старички осиротѣли. Объ ихъ Васѣ не приходило вѣстей. Цѣлыми днями они только и думали о немъ, они видѣли его во снѣ и въ глубинѣ души были увѣрены, что онъ погибъ. Но они старались обманывать себя и говорили:

— Онъ скоро пріѣдетъ! Онъ не таковъ, чтобы позабыть объ насъ совсѣмъ!

Въ этотъ осенній вечеръ старики чувствовали себя какъ-то особенно одиноко и безъ надежды впереди. Имъ казалось, что именно теперь, въ такую погоду, бѣдствуетъ ихъ внучекъ Вася, и имъ хотѣлось имѣть

крылья, чтобы полетѣть къ нему въ темную даль и привести его къ себѣ.

Старушка поднялась съ мѣста и подкинула въ печку углей. Они затрещали и мелкія, острия искры брызнули отъ нихъ во всѣ стороны.

— Пойти поглядѣть... поднялся старикъ, зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Ты куда? спросила его старушка.

— Сегодня утромъ поставилъ верши въ камняхъ, отвѣтилъ онъ,— да позабылъ днемъ посмотреть. Дуетъ вѣтеръ, пожалуй еще море за ночь угонитъ, тогда и вовсе останемся безъ рыбы...

— Охота тебѣ ночью ходить!.. Остался бы!

Старикъ зажегъ фонарь и накинулъ на себя клеенчатый плащъ.

— Подождаль-бы до утра, продолжала старушка.— Спаси Богъ, свалишься еще съ горы и упадешь!

Старикъ въ нерѣшимости потоптался на мѣстѣ, а потомъ махнулъ рукой и направился къ двери.

— Я все-таки пойду... сказалъ онъ.— Позабылъ днемъ! А ты ложилась-бы спать!

И онъ вышелъ. Ему тотчасъ-же задулъ вѣтеръ прямо въ лицо, затѣмъ подхватилъ его и понесъ, стараясь спихнуть его съ высокаго берега внизъ, гдѣ шумѣло безпокойное море. Но онъ медленно и твердо спускался съ горы и его фонарь освѣщалъ вокругъ него только жел-

тыя глыбы глины и кое-гдѣ уцѣлѣвшій съ лѣта бурьянъ, который протягивалъ къ старику свои козявыя лапы и, казалось, хотѣлъ его схватить.

— Вотъ и камни!.. проговорилъ старикъ, дойдя до берега. — Торчатъ изъ воды, точно монахи...

Онъ подошелъ къ гранитной глыбѣ, одиноко торчавшей у обсохшаго берега, и освѣтилъ ее фонаремъ.

— Здѣсь у меня поставлены верши... сказалъ онъ. — Не знаю, поймалось-ли что-нибудь?

Онъ нагнулся и пошарилъ рукой. Верши оказались внѣ воды. Въ нихъ не поймалось ничего.

— Вотъ такъ ловля!.. проговорилъ онъ съ горькой усмѣшкой. — Такъ намъ счатье и валить, такъ и валить! Скоро совсѣмъ нечего будетъ ѣсть!

Онъ поставилъ фонарь и разогнулъ спину.

— Охъ-хо-хо!.. вздохнулъ онъ. — Старость не радость! Поскорѣй-бы помирать!

Впереди ревѣли волны. Старикъ стоялъ передъ ними, смотрѣлъ въ темную даль и ему казалось, что само море просило у него помощи отъ вѣтра и умоляло, чтобы его не угоняло такъ далеко отъ жилья. Старый рыбакъ еще долго простоялъ, глядя въ темноту, и вдругъ глубоко вздохнулъ.

— Тамъ мой утонушій сынъ и... внучекъ Вася!.. проговорилъ онъ.

Почему тамъ именно они, моло-

дые, здоровые, полные силъ, а не онъ, старикъ, который уже не нуженъ никому и ни для чего? Почему ихъ нѣтъ теперь въ живыхъ, а вотъ онъ, старикъ, топчется теперь на землѣ и только даромъ занимаетъ чужое мѣсто? Для чего такъ? думалъ старикъ и вдругъ вмѣстѣ съ шумомъ моря порывъ вѣтра донесъ до него чей-то голосъ:

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Сюда!

Онъ вздрогнулъ и прислушался.

— Помогите!.. снова донесся съ моря чей-то голосъ. — Спасите!

Да, онъ не ошибся! Это дѣйствительно былъ чей-то голосъ, это кричалъ человѣкъ, отчаянно звавшій на помощь.

Старикъ напрягъ свой слухъ. Съ новымъ порывомъ вѣтра до него опять долетѣлъ съ моря голосъ человѣка. Еще и еще. Старикъ схватилъ съ земли фонарь и замахалъ имъ въ воздухъ. Затѣмъ, насколько хватило у него силъ, онъ закричалъ погибавшему въ отвѣтъ:

— Сюда! Сюда!

И онъ суетливо забѣгалъ назадъ и впередъ по песку. Что было дѣлать? Подниматься наверхъ, на высокій берегъ, и бѣжать затѣмъ за цѣлую версту въ рыбацье селенье, чтобы поднять всѣхъ на ноги и отправить ихъ на помощь, — но уцѣлѣетъ-ли до тѣхъ поръ погибающій? Сѣсть въ лодку самому, поставить парусъ и помчаться, какъ въ былое время, на выручку, — но хватитъ-ли силъ сдвинуть баркасъ съ мѣста въ воду

одному? Вѣтромъ угнало море далеко отъ берега и теперь баркасъ лежитъ на пескѣ на боку совершенно сухой.

— Ахъ, бѣда, бѣда... проговорилъ старикъ.—Даже нельзя ему помочь!

И вдругъ рѣшившись на что-то, онъ выпрямился во весь ростъ, приложилъ ладони къ губамъ и во весь свой старческій голосъ закричалъ:

— Держись! Я сейчасъ къ тебѣ приду!

И широко размахивая въ воздухѣ фонаремъ, чтобы дать о себѣ знать, онъ направился по обсохшему песку туда, гдѣ въ темнотѣ ревѣли волны и откуда все еще слышался крикъ о помощи.

Но вотъ уже и вода. Тамъ, впереди, должны быть гряды камней, а за ними открытое море. Если погибающій находится у этихъ камней, то быть можетъ теперь, въ отливъ, здѣсь не такъ глубоко и его можно будетъ спасти и безъ лодки.

И старикъ смѣло вошелъ въ воду. Было мелко. Подъ его ногами захрустѣлъ песокъ и задвигались круглые, подвижныя камешки. Но онъ шелъ бодро и настойчиво впередъ. Его фонарь зачерпнулъ воды и погасъ. Вотъ какіе-то обломки; несомнѣнно, это остатки отъ чьей-то разбитой лодки. Ясно, что кто-то плылъ сюда со стороны моря, но попалъ подъ встрѣчный вѣтеръ, которымъ угоняло море отъ берега, и налетѣлъ на камни. А вотъ и что-то мягкое, мокрое, похожее на

узель. Старикъ ощупываетъ этотъ узель и вдругъ убѣждается, что это человѣкъ. Онъ уже не двигается, лежитъ на пескѣ, наполовину въ водѣ, вытянувшись во весь свой ростъ. Старикъ кладетъ ему руку на грудь. Онъ еще живъ. Сердце его чуть-чуть бьется.

— Какъ-же мнѣ съ тобою быть? бормочетъ старикъ.

Онъ приподнимаетъ незнакомца изъ воды и старается привести его въ чувство. Но у незнакомца голова безжизненно падаетъ на грудь.

— Можетъ быть, я стащу тебя на берегъ! говоритъ старикъ.— Только хватить-ли у меня силъ?

Онъ взваливаетъ утопленника къ себѣ на плечи и направляется съ нимъ къ берегу. Но до берега далеко. Вѣтеръ вдругъ ослабѣваетъ и море, долго ждавшее покоя, вдругъ срывается точно съ цѣпи и бѣжитъ слѣдомъ за старикомъ. Ему тоже хочется поскорѣе къ берегу. Оно неожиданно догоняетъ старика, вдругъ поднимается ему по колѣни, затѣмъ по поясъ и по самую грудь. Но ноша пригибаетъ старика книзу и ноги сгибаются у него въ колѣняхъ. Поднявшись на цыпочки, высоко закинувъ голову кверху, онъ медленно передвигаетъ ноги, а вода поднимается все выше и наконецъ достигаетъ ему уже до самого подбородка.

— Погибаю... шепчетъ старикъ.— Прощай, старуха!.. Прощай, Вася, если ты еще живъ!

Но вѣтеръ опять срывается съ привязи и гонить море обратно отъ берега. Становится все мельче и мельче. Съ каждымъ шагомъ старикъ чувствуетъ, что онъ ближе къ дому, и вотъ уже во мракѣ передъ нимъ вырисовываются темный глинистый берегъ и мерцающій гдѣ-то наверху огонекъ. Это въ его избенкѣ. Тамъ теперь спитъ его старуха и не знаетъ, что онъ спасъ человѣка и несетъ его домой.

Еще одно усиліе—и онъ на твердой землѣ. Старикъ останавливается, чтобы перевести духъ.

— Теперь уже близко... шепчетъ онъ.—Вотъ только отдохну немного и опять пойду.

Онъ снова сгибается подъ своей ношей и снова отправляется въ путь. Песокъ и гора уже пройдены и вотъ ужъ избушка. Въ окошко свѣтитъ огонь и длиннымъ лучомъ отражается по землѣ. Старикъ подходитъ къ двери, отворяетъ ее—и вотъ онъ уже у себя дома. Слава Богу! Всѣ опасности уже позади.

— Это я, старуха, не бойся... говоритъ онъ.—Я вернулся съ моря...

Старуха легла уже спать.

— Ты что-нибудь поймалъ? спрашиваетъ она съ постели.

— Поймалъ... Гляди!.. отвѣчаетъ онъ и сваливаетъ съ себя драгоценную ношу.—Его прибило къ нашимъ камнямъ! Быть можетъ, онъ уже и умеръ... Я весь мокрый... Встань поскорѣе и поставь самоваръ... Обогрѣй и меня, и его!

Старуха видитъ утопленника, вскакиваетъ въ ужасѣ съ постели и принимается за самоваръ.

— Ахъ, Боже мой!.. лепечетъ она.—Ой, батюшки!.. Что-же намъ теперь дѣлать?

— Дай-ка сюда лампу! говоритъ старикъ.

Она беретъ со стола лампу и передаетъ ее мужу. Онъ приближаетъ ее къ утопленнику и освѣщаетъ ему лицо.

— Это нашъ Вася! вдругъ восклицаетъ старуха и заливается слезами.—Вася! Нашъ милый внучекъ Васюша!

И она бросается къ тѣлу, обнимаетъ его, прижимаетъ его къ себѣ, начинаетъ ласкать его, цѣловать и говорить ему нѣжныя слова.

— Вася, нашъ милый Вася! лепечетъ она.—Ты очнешься, ты будешь еще жить! Господь услышитъ насъ и спасетъ тебя. Да открой-же скорѣе глаза, погляди на меня хоть разочекъ!

Да, это онъ, это ихъ внукъ, котораго они любятъ и видѣтъ котораго такъ алчно жаждала ихъ душа. Старикъ суетится, поднимаетъ его на руки, укладываетъ въ постель и начинаетъ его согрѣвать. Мало-помалу юноша приходитъ въ себя и наконецъ открываетъ глаза. Онъ обводитъ ими вокругъ себя и радостно улыбается. Онъ узнаетъ свою избушку и стариковъ. Онъ протягиваетъ къ нимъ руки, они приближаются къ нему и онъ начинаетъ

ихъ обнимать. Вновь начинаются поцѣлуи, слезы радости, веселый смѣхъ! Затѣмъ Вася ослабѣваетъ и впадаетъ въ забытье. Старикъ укрываетъ его шубой, а потомъ сверху еще армякомъ и отходить къ стонкамъ.

— Пусть пропотѣетъ! говоритъ онъ.

Онъ совершенно позабылъ о себѣ самомъ и, весь мокрый, онъ садится у печки, не можетъ оторвать отъ внука глазъ и ему хочется, какъ маленькому, вскочить съ мѣста, запрыгать отъ радости и начать обнимать свою старуху. Но его годы уже не тѣ и онъ только поглядываетъ то на внука, то на жену и повторяетъ:

— Каково, старуха? А? Кто-бы могъ этого ожидать?

А старушка все еще суетилась около нехотѣвшаго кипѣть самовара, хваталась то за одно, то за другое и отъ радости не знала, что говорить.

— Ахъ, Господи!.. восклицала она.—Ахъ, Боже мой!.. Да что-же это я достаю изъ шкафа не то, что надо!

И всю ночь они прохлопотали около внука и не смыкали глазъ. Подъ утро Вася проснулся, оглядѣлся и счастье жизни наполнило вдругъ его всего. Старикъ подошелъ къ нему и ласково потрогалъ его за лобъ.

— Ну, что, какъ? спросилъ онъ.— Какъ твое здоровье?

Но юношѣ не нужно было отвѣчать ничего. По выраженію его глазъ старики могли догадаться, что вчерашній вечеръ прошелъ для него безслѣдно и что сегодня онъ совершенно здоровъ. Вася поднялся съ кровати и потянулся за своей одеждой.

— Лежи, лежи!.. сказалъ ему дѣдушка.—Тебѣ еще не время вставать!

Оба старика подсѣли къ нему и онъ началъ имъ свой рассказъ. Онъ сообщилъ имъ, какъ плавалъ по далекимъ морямъ, какъ боролся съ бурями, какъ видѣлъ диковинныя страны, какихъ встрѣчалъ людей и звѣрей и какія радости и лишеныя испытывалъ въ пути. Затѣмъ онъ рассказалъ имъ, какъ сталъ по нимъ скучать и какъ вдругъ какая-то необъяснимая сила, называемая тоской по родинѣ, властно потянула его домой, на родину, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ когда-то протекало его мечтательное дѣтство. И вотъ онъ сѣлъ на пароходъ и отправился въ Россію. Но пароходъ не присталъ къ сосѣднему порту. Съ какимъ разочарованіемъ онъ узналъ объ этомъ, какъ пламенно хотѣлъ видѣть своихъ ненаглядныхъ стариковъ! Онъ бросилъ все, разстался со своимъ кошелькомъ и, рискуя всѣмъ, чтобы только увидѣть родныя мѣста, нанялъ баркасъ и, несмотря на ненастную погоду, отправился на немъ домой одинъ. А дальше... дальше ужъ онъ не помнитъ ничего. Онъ только вспоминаетъ смутно, какъ его бар-

кась наскочилъ на камни и какъ гдѣ-то далеко, на берегу, кто-то ободряюще махалъ ему фонаремъ. А когда онъ открылъ потомъ глаза, то увидѣлъ себя уже въ теплой постели и около него тѣхъ, кто былъ для него дороже всѣхъ.

— Быть можетъ, вы обижаетесь на меня, что я тогда васъ бросилъ и ушелъ?... пугливо обратился юноша къ старикамъ и стыдливо, покраснѣвши, опустилъ глаза.—Вы не рады?

Они—обижаются! Они—и вдругъ не рады его возвращенію! Да можетъ ли это быть? Они каждую минуту думали о немъ и не садились ѣсть, чтобы не вздохнуть о томъ, съѣтъ-ли онъ тамъ въ чужихъ краяхъ? Они каждую ночь просыпались съ его именемъ на устахъ. Да могутъ-ли они не быть рады его возвращенію домой?

Но юноша и самъ догадывается въ этомъ и, лукаво, улынувшись,

показываетъ дѣдушкѣ глазами на пиджакъ.

— Пошарь-ка, дѣдушка, у меня въ пиджакѣ! говоритъ онъ.—Тамъ подъ подкладкой у меня кое-что зашито для тебя!

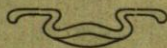
Бабушка снимаетъ съ гвоздя одежду и подаетъ ее старику. Дѣдушка распарываетъ подкладку и достаетъ оттуда кожаный пакетъ. Вася беретъ его отъ него, разрѣзаетъ его и достаетъ оттуда деньги.

— Это тебѣ!.. говоритъ онъ.— Все это я заработалъ своимъ трудомъ! Теперь тебѣ долго не нужно будетъ трудиться и хлопотать!

Старикъ обнимаетъ его и цѣлуетъ въ самую маковку. Двѣ слезинки скатываются у него изъ глазъ и падаютъ Васѣ на волоса.

Что значать для него всѣ деньги на свѣтѣ, когда къ нему такъ неожиданно возвратился его внукъ!

Старый Морякъ.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Какъ ночь длинна!... Пропѣлъ пѣ-
тухъ,
Къ обѣднѣ гдѣ-то зазвонили,
Огонь въ лампадкѣ ужъ потухъ,
Часы въ столовой шесть пробили...

А точно полночь! Такъ темно,
Такъ одиноко, такъ уныло,
Совсѣмъ не то, что раньше было,
И свѣтъ не просится въ окно.

Какъ воетъ вѣтеръ!.. Дождь идетъ,
Стучить, какъ плетками, о стекла...
Кругомъ все сѣро, все промокло
И все зимы покорно ждетъ...

Ирисъ.

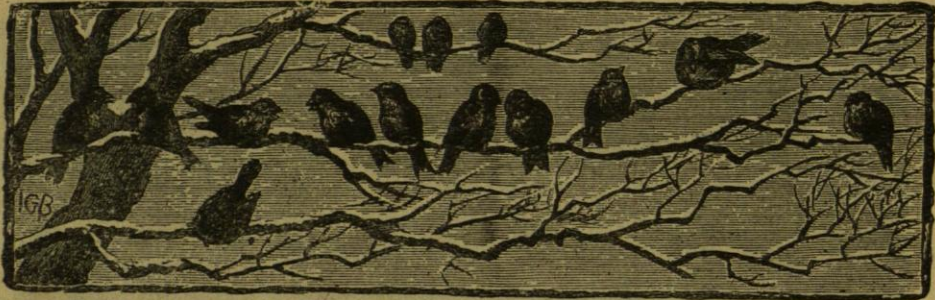
Тихий вечеръ.

Кукла в кижках.

608640

Российская государственная
детская библиотека

ПРИЕМЫШЪ.

Повѣсть.

Инженеръ Кирсановъ и его жена были очень богаты. Все свое состояніе, заключавшееся въ роскошной усадьбѣ въ одной изъ губерній на Волгѣ, и въ большихъ капиталахъ инженеръ нажилъ самъ, своимъ собственнымъ личнымъ трудомъ. Но оба они были уже въ годахъ, не имѣли дѣтей, и, живя одиноко очень скучали. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ одно прекрасное утро инженеръ съѣздилъ въ Петроградъ, взялъ изъ какого-то пріюта безродную дѣвочку Евгенію, привезъ ее къ женѣ и они стали воспитывать ее, какъ родную дочь. У самого инженера Кирсанова была еще жива дряхлая старуха—няня Егоровна, которая еще носила его на рукахъ и была предана ему, но она была уже слаба, и для дѣвочки пришлось нанять другую няню, помоложе и поразвитѣе. Публиковали въ газетахъ и вотъ—въ одно утро къ Кирсановымъ пріѣхала благообраз-

ная женщина, лѣтъ пятидесяти, Наталья Кириловна, которая принялась за воспитаніе Жени. Она оказалась добрымъ человѣкомъ, полюбила всѣхъ въ усадьбѣ и была довольна и сама, что попала къ хорошимъ людямъ. Она скоро привязалось къ дѣвочкѣ, какъ къ родной, и во всемъ старалась замѣнить ей мать.

У инженера Кирсанова было только двое родственниковъ: троюрдннй племянникъ Аркадій, тоже Кирсановъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, и родная племянница Нина Петровна. Аркадій былъ одинъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которые ничего не могутъ дѣлать, ко всѣмъ придираются, тратятъ безъ толку деньги и не желаютъ ничѣмъ заняться. Всѣ затраты инженера Кирсанова на его воспитаніе не пошли ему въ прокъ и изъ него не вышло ничего. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ уже велъ разгульную

жизнь, а затѣмъ куда-то вдругъ безслѣдно исчезъ,—и инженеръ съ женой были даже рады, что перестали его видѣть.

— Пусть его исправитъ сама жизнь!.. сказалъ инженеръ. Она научитъ его, какъ цѣнить ласку и домашній очагъ!

Говорили, что онъ уѣхалъ за границу, но точно этого никто не зналъ. Аркадій не писалъ ничего, инженеръ тоже не старался его разыскивать и скоро о немъ позабыли совсѣмъ. Одна только няня Егоровна тосковала по немъ и часто вздыхала:

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, сокрушалась она.—Вѣдь онъ нашъ родной!.. Какъ его не пожалѣть? Что-то съ нимъ, голубчикомъ, тамъ на чужой сторонѣ? А вѣдь онъ—нашъ прямой наслѣдникъ! Кромѣ него, и Ниночки у нашего барина вѣдь нѣтъ родныхъ никого!

Ниночка для Егоровны — и Нина Петровна для всѣхъ—была уже замужемъ, жила постоянно въ Петроградѣ и уже имѣла сына Диму, на годъ старше Жени. Но объ этомъ знали только по наслышкѣ. Ея дядя—инженеръ Кирсановъ не видалъ ее съ самыхъ ея дѣтскихъ лѣтъ, не переписывался съ ней никогда, и даже ничего не зналъ объ ея мужѣ. Такъ инженеръ и его жена и жили одиноко въ своей роскошной усадьбѣ, пока не взяли къ себѣ на воспитаніе Женю. Инженеръ всю свою жизнь посвятилъ

своему приемышу. Онъ и его жена полюбили дѣвочку отъ всей души, какъ родную дочь, не могли наглядѣться на нее и жили только ею одной. Они радовались и благодарили Бога, что Онъ послалъ имъ это утѣшеніе, мечтали уже о томъ какъ ихъ Женя выростетъ со временемъ большая, какъ они выдадутъ ее замужъ у будутъ нянчить ея дѣтей, какъ вдругъ случилось неожиданное несчастье: въ какія-нибудь двѣ недѣли захворала и умерла жена инженера. Похоронивъ ее, онъ затосковалъ, заскучалъ и уже ни на шагъ не отходилъ отъ колыбели Жени. Бывшая у него еще и раньше болѣзнь грудная жаба, теперь отъ нервнаго потрясенія усилилась болѣе, онъ быстро осунулся, посѣдѣлъ, пересталъ выѣзжать изъ усадьбы и цѣлыя ночи пересталъ спать. Все свое время онъ сталъ проводить молча, въ обществѣ одной только няни Натальи Кириловны и своего приемыша Жени.

— Что это съ вами, баринъ? старалась успокоить его няня.—Ну, можно-ли такъ безпокоиться и скучать? Конечно, дай Богъ царство небесное покойной барынѣ, но и вамъ-то не для чего такъ убиваться. Вѣдь у васъ—Женя! Она—безродная сирота!

Но съ каждымъ днемъ болѣзнь инженера становилась все сильнѣе и сильнѣе. Все чаще и чаще съ нимъ стали случаться по ночамъ тре-

возные припадки, онъ вскакивалъ съ постели, хватался за грудь и отъ боли въ лѣвомъ плечѣ не могъ говорить. Но изъ какого-то страннаго упорства онъ не приглашалъ къ себѣ врачей, тѣмъ болѣе, что припадки случались только по ночамъ, а днемъ инженеръ былъ совершенно здоровъ и все перенесенное имъ за ночь, казалось ему только тяжелымъ сномъ.

— «Все пройдетъ само!» думалъ онъ. — «Вѣдь я боленъ этимъ уже нѣсколько лѣтъ! Это неопасно».

Но послѣ одного и такихъ припадковъ, онъ вдругъ спохватился, привелъ въ порядокъ свои бумаги, долго что-то писалъ, а потомъ запечаталъ что-то въ конвертъ, приложилъ къ нему пять печатей, одну посрединѣ и четыре по угламъ, отперъ потайной несгораемый шкафъ въ стѣнѣ и заперъ въ него этотъ пакетъ. Положивъ ключъ отъ этого шкафа въ конвертъ и сдѣлавъ на этомъ конвертѣ какую-то надпись, онъ взялъ съ камина фарфоровые старинные часы, отворилъ и сунулъ въ нихъ внутрь этотъ конвертикъ. Затѣмъ онъ разбудилъ свою старуху — няню Егоровну и призвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Няня, обратился онъ къ ней, — я веегда цѣнилъ тебя, какъ родную мать. Я помню, какъ ты ухаживала за мной, когда-въ раннемъ дѣтствѣ я лишился матери. И вотъ я обращаюсь къ тебѣ съ просьбой. По всей вѣроятности, я скоро умру...

— Что ты, что ты? испугалась Егоровна и замахала руками. — Живи на здоровье, Господь тебя благослови!

— Нѣтъ, няня, я чувствую, что мое дѣло уже плохо. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ заблаговременно съѣздить въ городъ къ нотаріусу и составить тамъ духовное завѣщаніе въ пользу Жени... А теперь уже поздно... Теперь все должно достаться Аркадію и Нинѣ. Но я этого не хотѣлъ-бы... Вѣдь они оба такъ были всегда далеко отъ меня, какъ чужіе. Я хотѣлъ-бы, чтобы все послѣ меня досталось Женюшѣ. Конечно, я могъ-бы написать духовное завѣщаніе и дома, но, кто знаетъ?—пріѣдетъ вдругъ сюда Аркадій, найдетъ это завѣщаніе и истребитъ его, чтобы все получить себѣ самому! Да къ тому же обидитъ и Женю! Вѣдь ты знаешь, какой онъ у насъ!

Егоровна плакала уже въ три ручья. Инженеръ взялъ съ камина фарфоровые часы и протянулъ ихъ къ нянѣ.

— Береги, няня, эти часы, какъ зеницу ока, сказалъ онъ. — Передай ихъ моей Женюшѣ, когда она вырастетъ уже настолько, что будетъ уже понимать. Больше-же всего храни ихъ отъ Аркадія. Ты обещаешь мнѣ это, няня?

Она дрожащими руками приняла отъ него часы, горько заплакала, не могла больше говорить и вышла съ ними изъ кабинета.

Затѣмъ инженеръ позвалъ къ себѣ другую няню.

— Наталья Кириловна, обратился онъ къ ней, — вы служите у меня еще не такъ давно, но я уже понялъ, какая вы хорошая женщина. Вы полюбили мою Женюшу, какъ родную дочь и я вполне могу ее ввѣрить вамъ. На Аркадія у меня плохая надежда, а свою племянницу Нину Петровну я не знаю совсѣмъ. Если я умру, то Женя останется одна на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Я знаю, что вы тоже одинокая.

— Да, баринъ, отвѣтила няня, — у меня никого нѣтъ родныхъ.

— Можете-ли взять въ случаѣ моей смерти Женю къ себѣ на воспитаніе и продержатъ ее у себя, пока ей не исполнится десять лѣтъ и не настанетъ ей время учиться?

Наталья Кириловна смутилась.

— Отвѣчайте мнѣ опредѣленно, продолжалъ инженеръ: — согласны-ли вы взять мою Женю на воспитаніе къ себѣ?

Наталья Кириловна опять помялась.

— Ахъ, баринъ, баринъ! наконецъ отвѣтила она. — Какъ-же я могу взять къ себѣ Женичку, когда я бѣдна, служу въ людяхъ и сама должна зарабатывать себѣ на хлѣбъ! Вѣдь ее нужно будетъ кормить и обувать, какъ господское дите!

Инженеръ полѣзъ въ письменный столъ и досталъ изъ него пакетъ.

— Если такъ, сказалъ онъ, — то

этому легко помочь. — Здѣсь деньги которыхъ хватитъ на васъ обѣихъ. Кромѣ, того, у меня въ Крыму, близъ Ялты, есть своя собственная дачка, въ которой не живетъ теперь никто. Отвѣчайте-же мнѣ теперь: согласны вы взять къ себѣ Женю и воспитать ее до десяти лѣтъ?

Наталья Кириловна долго отказывалась, но онъ настоялъ на своемъ и ей пришлось подъ конецъ принять отъ него деньги и пообѣщать ему взять Женю къ себѣ.

— Но это еще не все, продолжалъ инженеръ, обрадованный ея согласіемъ. — Какъ только Женѣ исполнится десять лѣтъ, такъ вы привезите потомъ ее обратно сюда и возьмите отъ моей няни Егоровны ту вещь, которую я ей вручилъ на сохраненіе. Въ этой вещи лежитъ письмо. Вы поступите потомъ такъ, какъ въ немъ написано.

— Да что это у васъ за таинственности такія, баринъ! встревожилась Наталья Кириловна. — Вѣдь я женщина глупая! Развѣ я сумѣю все это сдѣлать? Да и зачѣмъ вамъ это письмо прятать!

— Такъ надо, няня, рѣшительно отвѣтилъ инженеръ. — Я боюсь, какъ бы мой племянникъ Аркадій не повредилъ Женюшѣ — вѣдь онъ считаетъ себя моимъ единственнымъ наследникомъ. А своей племянницѣ Нины Петровны я вовсе незнаю, но во всякой случаѣ напишу ей о Женюшѣ. Вѣдь никому неизвѣстно,

какъ она отнесется послѣ моей смерти къ нашей Женѣ.

Наталья Кириловна пообѣщала ему сдѣлать такъ, какъ онъ говорилъ.

— А теперь идите, няня, къ себѣ... сказалъ онъ.—Большое вамъ спасибо и да сохранить васъ Богъ!

Она ушла, а онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по кабинету, подсѣлъ затѣмъ къ письменному столу и написалъ къ своей племянницѣ Нинѣ Петровнѣ въ Петроградъ слѣдующее письмо:

«Нина. Я не видалъ тебя со времени твоего дѣтства. Ты тоже ни разу не писала ко мнѣ за все это время. Но ты — единственная моя родственница и я хочу въ послѣдній разъ побезпокоить тебя покорнѣйшей просьбой. Вѣроятно, я скоро умру. Мнѣ хочется, пока не поздно, сдѣлать мои предсмертные распоряженія. Послѣ меня останется моя воспитанница Женя, которую я люблю, какъ родную дочь. Ей сейчасъ всего два года. Она будетъ находиться на воспитаніи у своей няни Натальи Кириловны Крючковой, близъ Ялты, въ моемъ маленькомъ имѣньицѣ Учъ-Коѣ. Позволь просить тебя объ одолженіи, которому не будетъ цѣны. Когда Женѣ исполнится десять лѣтъ, возьми ее отъ няни и дай ей образованіе, какое ты и твой мужъ дали-бы ей, если-бы она была ваша родная дочь. На это я оставляю достаточную сумму денегъ. Но если-бы

Вы затруднились дать ей образованіе въ Вашей семьѣ, то ты можешь помѣстить ее въ институтъ и только наблюдай за тѣмъ, чтобы она окончила въ немъ курсъ и получила дипломъ. Прости, если я затрудняю тебя этой просьбой, но ты, какъ я слышалъ, и сама имѣешь сына, и потому поймешь, какъ тяжело разставаться съ близкимъ человѣкомъ и какъ много приходится думать объ его дальнѣйшей судьбѣ.

«При этомъ письмѣ я прилагаю чекъ банка на сумму денегъ, необходимую для образованія моей Жени.

Твой А. Кирсановъ».

Онъ приказалъ утромъ отнести это письмо на почту, а самъ заперся у себя въ кабинетъ и не выходилъ изъ него до самой смерти. Няня Наталья Кириловна, послѣ разговора съ нимъ, послала за земскимъ врачомъ, но было уже поздно, и бѣднаго инженера Кирсанова не спасло уже ничто. Онъ умеръ въ тотъ же день къ вечеру.

Похоронивъ его, няня Наталья Кириловна взяла съ собою Женю и уѣхала съ нею въ Крымъ, въ предоставленное ей имѣньице Учъ-Кой, и во всей богатой усадьбѣ покойнаго инженера осталась только одна другая няня Егоровна, которая стала оберегать господское добро.

Затѣмъ изъ Петрограда приѣхала

Нина Петровна со своимъ мужемъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ и мальчикомъ Димой и, за отсутствіемъ духовнаго завѣщанія, какъ законная наслѣдница, поселилась въ усадьбѣ уже навсегда. Начались новые порядки, потекла новая жизнь и о бѣдномъ инженерѣ и его Женюшѣ скоро было забыто совсѣмъ. По крайней мѣрѣ, о Женѣ не вспомнили до тѣхъ поръ, пока ей не исполнилось десять лѣтъ и пока не настало время исполнить волю ея покойнаго пріемнаго отца и позаботиться объ ея образованіи. Такъ какъ вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ къ Нинѣ Петровнѣ перешло и Ялтинское имѣніе Учь-Кой, то рѣшили его продать, нянѣ Натальѣ Кириловнѣ отказать за ненадобностью отъ мѣста, а Женю взять къ себѣ.

Такъ и поступили.

О племянникѣ-же Аркадіи такъ и не подумалъ никто. Онъ не являлся лѣтъ уже десять—и всѣ были убѣждены, что онъ за границей или тамъ и скончался. Наведенныя-же справки не привели ни къ чему и Нина Петровна со своимъ мужемъ и сыномъ искренно и добросовѣстно считали себя единственными наслѣдниками послѣ покойнаго инженера Кирсанова.

Все залитое солнечнымъ свѣтомъ, Черное море тихо плескалось у береговыхъ камней и длинными, пѣнистыми валами взбѣгало на широ-

кій, мягкій, песчаный берегъ. Вдалекѣ виднѣлись красивыя дачи, ярко озаренныя солнцемъ, и точно дремали, закрывъ свои ставни и опустивъ на окнахъ занавѣски.казалось, все замерло въ истомѣ жаркаго дня.

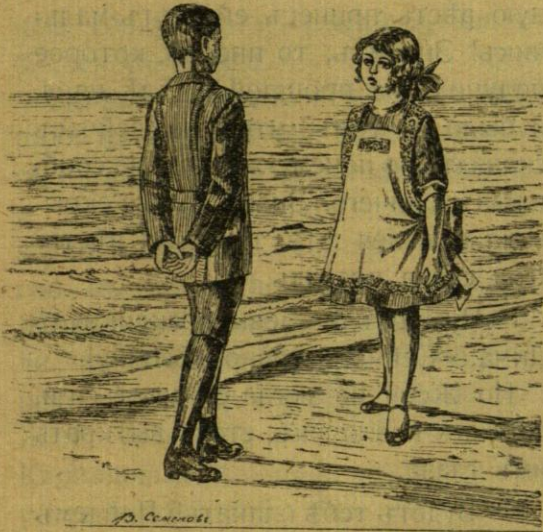
Но вотъ часы пробили семь. Въ имѣніицѣ Учь-Кой тихонько отворилась дверь въ домѣ и, озираясь по сторонамъ, на террасу тихонько выбѣжала дѣвочка лѣтъ десяти, загорѣвшая, какъ цыганочка, съ быстрыми, похожими на вишни, глазами. Она сбѣжала съ террасы въ садъ, изъ сада выбѣжала къ морю и, боясь, чтобы ее не увидѣли изъ оконъ, опустила на теплый песокъ и стала въ него играть. По вечерамъ ей не позволялось это дѣлать. И теперь, воспользовавшись отсутствіемъ своей няни Натальи Кириловны, дѣвочка выбѣжала къ самому морю въ легкихъ туфелькахъ, въ прозрачныхъ чулочкахъ и въ бѣломъ кисейномъ платьицѣ, похожая на тѣхъ бѣленькихъ морскихъ птичекъ, которыя часто летаютъ высоко въ небѣ и блещутъ на солнцѣ своими бѣлоснѣжными крыльями.

Это была наша старая знакомая Женя.

Наигравшись въ песокъ, она легла на спину и стала мечтательно глядѣть въ поднебесную высь. Она думала, какъ бы далеко она улетѣла и какія-бы совершила очаровательныя путешествія, если-бы у нея

«...По небу полночи ангелъ легѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ».

— Кто ты, мальчикъ? довѣрчиво обратилась она къ нему.

были такія же крылья, какъ у чаетка или если-бы она была стрекозой. Думала она и о томъ, отъ кого-бы могло быть это таинственное письмо, которое получила откуда-то ея няня Наташа на прошлой недѣлѣ и которое вдругъ повергло ее въ такую печаль? Няня прочитала его, смутилась, залилась слезами, но постаралась скрыть отъ Жени его содержаніе. Плачетъ и вздыхаетъ она съ тѣхъ поръ уже который день.

«Что-же въ этомъ письмѣ написано?» думала Женя.—«Отчего няня стала плакать?»

И вотъ она лежала теперь на пескѣ, думала о письмѣ и безумно хотѣла умѣть летать. Какъ вдругъ около нея раздались чьи-то шаги. Она поднялась и хотѣла посмотреть, кто это шелъ. Но заходившее солн-

це било ей прямо въ глаза и ослѣпляло ее.

Кто-бы это могъ быть?

Прямо къ ней подходилъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати съ насмѣшливымъ выраженіемъ губъ. Поравнявшись съ ней, онъ остановился и заложилъ руки за спину.

— Кто ты, мальчикъ? довѣрчиво обратилась она къ нему.—Что ты здѣсь дѣлаешь?

Онъ измѣрилъ ее взглядомъ и отвѣтилъ:

— Такъ вотъ какая ты стрекоза! А я думалъ, что ты побольше! Ты еще совсѣмъ маленькая.

Женя поднялась на ноги. Это обидѣло ее.

— Кто ты? вновь задала она вопросъ.

— Я? Я—Дима Лаврентьевъ, твой родственникъ, отвѣтилъ онъ.—Я

— Дай рученьку твою ангельскую!..

пріѣхаль изъ Костромской губерніи, изъ имѣнія.

Онъ все еще стоялъ передъ ней заложивъ руки назадъ, и измѣрялъ ее не то веселымъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ.

— Мой родственникъ? переспросила она.— Но вѣдь у меня никого нѣтъ родственниковъ! Няня говорила мнѣ, что я одинока и сирота.

— То-есть, я не знаю какъ тебя назвать, продолжалъ Дима.— Я сынъ Нины Петровны, которая приходилась племянницей твоему приемному отцу инженеру Кирсанову...

— Инженеру Кирсанову?... повторила она въ недоумѣніи и сердце у нея почему-то забилося.— Ты здѣсь одинъ?

— Нѣтъ, съ папой. Мы пріѣхали за тобой!

— За мной?

— Да, за тобой. Развѣ тебѣ не говорила няня, что ты теперь будешь жить у насъ?

Женя смутилась. Что-то грустное отозвалось вдругъ у нея на душѣ.

— У васъ?... спросила она.— Гдѣ?

— Разумѣется, въ нашей усадьбѣ, въ Костромской губерніи. Уже давно такъ рѣшено! Моя мама продаетъ эту дачу Учъ-кой; такъ какъ теперь тебѣ больше некуда дѣваться, то мы пріѣхали съ папой сюда, чтобы взять тебя съ собой.

Женя почувствовала, какъ у нея зашевелились губы и какъ слезы навернулись на глаза. Какую стран-

ную вѣсть принесъ ей этотъ мальчикъ! Значить, то письмо, которое получила на прошлой недѣлѣ няня, и было о томъ, что онъ сейчасъ сказалъ. Но почему-же няня не сообщила ей ничего? Значить, она скрывала отъ нея эту тяжелую вѣсть? Она стала плакать.

— Ну, вотъ и слезы! воскликнулъ Дима.— Сейчасъ видно дѣвочку!

Но Женя не могла сдержаться и, доставъ платочекъ, стала вытирать имъ глаза.

— Будетъ тебѣ плакать! Пойдемъ лучше играть! Кстати, вонъ идетъ и мой папа!

Женя быстро отерла слезы и посмотрѣла по указанному направлению. Къ ней подходилъ высокій прекрасно одѣтый господинъ, который улыбался ей еще издали.

— Здравствуй, Женюша! обратился онъ къ ней и, подойдя поближе, поцѣловалъ ея въ лобъ.— Да ты совсемъ дѣвица!

Она присѣла передъ нимъ и коротко отвѣтила:-

— Здравствуйте... дядя!

Почему она назвала его сразу дядей? Впрочемъ, не все-ли это равно? Все равно она не знала, какъ его звали, а не всѣ-ли мужчины для нея «дяди»?

Онъ сказалъ ей, что пріѣхаль за ней, что теперь она будетъ жить у него и что завтра-же они отправятся далеко къ нему въ усадьбу. Когда онъ говорилъ ей это, то она

шла сбоку его и слышала, какъ билось ея сердце.

Затѣмъ насталь вечеръ и всѣ пили на террасѣ чай. Внизу, у берега, плескалось море, кричали цикады и откуда-то — сбоку доносились звуки музыки; было тихо и прекрасно въ природѣ, но на душѣ у Жени было тяжело. А когда отпили чай и гости ушли въ отведенную для нихъ комнату спать, то Женя бросилась къ нянѣ Натальѣ Кирилловнѣ на шею и долго сидѣла у нея на колѣнкахъ и молчала. Няня раздѣла ее, уложила ее въ постельку, но ей было такъ горько и такъ одиноко самой, что она усадила ее опять къ себѣ на колѣни и такъ онѣ и провели время до полуночи вдвоемъ, обнявшись другъ съ дружкой и понимая одна другую и безъ словъ. Теперь для нихъ обѣихъ было ясно, что онѣ были для всѣхъ чужія и что больше имъ не откуда уже ждать поддержки и придется разстаться навсегда.

И Дима Лаврентьевъ оказался правымъ: Женя была стрекозой, безъ крова, и безъ пищи, для всѣхъ чужая и теперь ее ожидало неизвѣстное будущее, въ глуши, гдѣ она не увидитъ больше ни этихъ горъ, ни этого моря, ни своей няни, съ которой она жила вотъ уже десять лѣтъ.

Какъ-то она запоетъ въ чужихъ краяхъ?

Женя заснула только подь утро. Когда-же она проснулась, то было

уже поздно и «дядя» Сергѣй Андреевичъ съ Димой уже собирались уѣхать. Ну, стоило-ли пріѣхать такъ не надолго? Но у Сергѣя Андреевича были свои расчеты и всѣ его вещи были уже упакованы и вынесены на террасу. Няня Наталья Кирилловна съ опухшими отъ слезъ глазами собрала Женю въ путь и свела ее на дворъ, гдѣ ее ожидали дядя и Дима въ поданной для нихъ каретѣ. Женя взглянула въ послѣдній разъ на свой домъ, весь заросшій вьющимися розами, поцѣловала няню, сѣла рядомъ съ Димой—и карета отправилась въ путь.

— Прощай, Женичка! крикнула ей няня.

Она высунулась изъ окошка и замахала ей платкомъ.

— До свиданія, нянечка! закричала она.—Оставайся съ Богомъ!

Карета быстро покатила по дорогѣ и скоро дача Учъ-кой скрылась за поворотомъ и исчезла навѣки за густыми деревьями.

Горы, скалы, вѣковые лѣса потянулись мимо Женѣ, вдаль сверкало голубое море и внизу, въ садахъ, качали вершинами темно-зеленые кипарисы. Но Женѣ было горько и обидно, что ее какъ-то сразу, неожиданно, вырвали съ корнемъ изъ этого мѣста и везутъ куда-то далеко, гдѣ все ожидаетъ ее чужое.

Почему вмѣстѣ съ нею не поѣхала ея няня Наталья? Отчего дядя и Дима не взяли съ собой и ея?

Но ей было неизвѣстно, что ея нянѣ данъ былъ уже расцѣтъ и что дача Учъ-кой была продана уже кому-то другому.

Но вотъ уже и Ялта. Яркое утро... По берегу сверкаютъ своею бѣлизной постройки. Кругомъ отступили горы и хмурятся. У мола стоитъ бѣлый пароходъ и дымить. На пристани экипажи, суета. Ихъ карета подъѣзжаетъ прямо къ пароходу, татаринъ беретъ ихъ вещи и вотъ они на палубѣ. Раздаются гудки, снимаютъ сходни и пароходъ отчаливаетъ отъ берега. Ялта постепенно удаляется отъ него и скоро тонетъ въ голубой дали. Женя сидитъ у борта, смотритъ не мигая на берегъ, но не видитъ ничего. Передъ ея духовными очами стоитъ ея дача, на террасѣ, на ступенькѣ сидитъ ея няня Наталья Кирилловна и горько плачетъ.

Увидятся - ли онѣ когда-нибудь? Куда дѣнется теперь осиротѣвшая няня?

А затѣмъ пароходъ приходитъ въ Севастополь. Сергѣй Андреевичъ, Дима и Женя выходятъ изъ него, ѣдутъ на вокзалъ, садятся въ вагонъ и вотъ поѣздъ везетъ ихъ далеко на Сѣверъ. Туннели, мосты, голая Крымскія степи, потомъ Харьковъ, Курскъ и Москва проходятъ мимо Жени точно во снѣ. Она приходитъ въ себя только тогда, когда поѣздъ останавливается на одной изъ станцій послѣ Москвы и когда они выходятъ изъ вагона и снова са-

дятся въ экипажъ. Въ него запряжены три лохматая лошади съ бубенцами и подъ дугою виситъ колокольчикъ. Ямщикъ влѣзаетъ на козлы, они садятся въ тарантасъ, лошади стаскиваютъ его съ мѣста и по грязной, выбитой дорогѣ тащутъ куда-то въ пространство. Съ боковъ ползутъ все кустарники и лѣса и похожія другъ на дружку березы и цѣлыя версты тянутся все однѣ и тѣ-же картины. Утомительно звенитъ колокольчикъ, лошади шлепаютъ копытами по грязи и помахиваютъ подвязанными въ узелки хвостами. Ямщикъ дремлетъ, а потомъ вдругъ просыпается и покрикиваетъ:—

— Эхъ, вы милыя!

Но вотъ наступаетъ ночь. Все утопаетъ въ ея безпросвѣтной туманной глубинѣ и утомленная длинной дорогой, Женя засыпаетъ. Она слышитъ сквозь сонъ, какъ тарантасъ прыгаетъ по кочкамъ, какъ что то твердое давитъ ей въ бокъ и какъ отекли у нея руки, но усталость беретъ свое и она спитъ и видитъ во снѣ Крымъ, море, кипарисы и горы, заходящія за облака.

— Вставай! прѣехали! вдругъ слышитъ она голосъ Димы.

Она просыпается, протираетъ глаза и видитъ себя у крыльца большого дома съ колоннами. Кругомъ шумятъ вѣковыя деревья. На порогѣ стоитъ человѣкъ, высоко поднявъ надъ головою свѣчку. Лають собаки. Окончивъ свой длинный путь,

лошади встряхиваютъ головами и громко бренчатъ бубенчиками.

— Выходи-же, мы пріѣхали! повторяетъ Дима.

Женя вылѣзаетъ изъ тарантаса и отъ долгаго сидѣнья въ неудобной позѣ не можетъ твердо ступить на землю.

— Который часъ? спрашиваетъ Сергѣй Андреевичъ.

— Половина одиннадцатаго! отвѣчаетъ человѣкъ со свѣчкой.

— Ого! говоритъ Сергѣй Андреевичъ.—Значить мы ѣхали на лошадахъ цѣлыхъ одиннадцать часовъ!

«Одиннадцать часовъ» думаетъ Женя.—«Какъ далеко мы заѣхали!»

Она поднимается по ступенямъ и входитъ въ домъ. Съ перваго-же взгляда ее поражаетъ въ немъ роскошная обстановка, но ей хочется спать и глаза у нея слипаются; она еле стоитъ на ногахъ.

— Иди, иди смѣлѣе! говоритъ ей Сергѣй Андреевичъ и подталкиваетъ ее въ плечи.

Она идетъ вслѣдъ за дядей. Кто-то встрѣчаетъ ихъ и говоритъ:

—А барыня нездорова... Онѣ лежать и не могутъ сейчасъ выйти: Онѣ просятъ извиненія.

Сергѣй Андреевичъ проводитъ Женю черезъ цѣлый рядъ большихъ комнатъ и вводитъ ее наконецъ въ кабинетъ.

— Тетя больна, говоритъ онъ,— она не можетъ сейчасъ къ тебѣ

выйти и устроить тебя получше... Насъ сегодня здѣсь не ожидали... Устройся какъ нибудь здѣсь на одну ночь... Поспи здѣсь на турецкомъ диванѣ.

Вошелъ молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ и спросилъ, не нужно-ли чего-нибудь?

— Должно быть, вы устали... сказалъ онъ.—А тутъ, какъ на грѣхъ, у сосѣдей свадьба, выдаютъ какую-то прислугу замужъ и вся наша прислуга-отпросились туда до полуночи... Такая, право, досада! Только одна Прасковья и дома!

— Тогда зовите сюда Прасковью! обрадовался Сергѣй Андреевичъ. И указавъ Женѣ на этого молодого человѣка, онъ добавилъ:—Это—Федоръ Степанычъ, учитель нашего Димы. Онъ будетъ учить и тебя!

Пока Федоръ Степанычъ ходилъ за Прасковьей, Сергѣй Андреевичъ самъ принесъ подушку, одѣяло и простыни и самъ-же устроилъ для Жени постель. Она раздѣлась и улеглась въ нее. Скоро усталость взяла свое и она крѣпко заснула. Но среди ночи она проснулась и уже не могла заснуть до утра. При свѣтѣ ночника, который внесъ кто-то къ ней въ кабинетъ, она стала глядѣть на висѣвшіе по стѣнамъ портреты въ золотыхъ рамахъ и они казались ей живыми и мигали глазами. Дулъ вѣтеръ и вѣтки отъ деревьевъ стучали по стекламъ. Ей стало вдругъ страшно, она вскочила на постели на колѣни, сложила

руки ладонями вмѣстѣ и жалобно проговорила:

— Господи, гдѣ я? Куда меня завезли? Спаси меня и сохрани!

И вдругъ на полу, около самого дивана, что-то зашевелилось и поднялась какая-то женщина. Это спала около нея черная горничная Прасковья.

— Красавица ты моя! Проснулась!... заговорила она нараспѣвъ. — Ангелъ ты божій съ небеси! И откуда ты къ намъ сюда залетѣла?

И она посмотрѣла на Женю такими ласковыми восторженными глазами, точно Женя дѣйствительно слетѣла съ неба.

— Какъ тебя зовутъ? спросила дѣвочка женщину.

— Прасковья, красавица моя! Прасковьей! А тебя-то какъ, болѣзную мою?

— Меня—Женей!

— И имячко-то какое, словно-бы ангельское! Кажись всю жизнь смотрѣла-бы на тебя и глаза-бы отъ тебя не отрывала!

И она близко нагнулась къ Же-

нѣ и тихонько, точно боясь, какъ-бы ее кто-нибудь не подслушалъ, заговорила:

— Дай рученку твою ангельскую, я поцѣлую!

Женя дала ей руку и размѣялась. Ей сразу-же стало веселѣе съ этой простой бабой Прасковьей.

А въ это время въ Крыму ласково плескалось море, было тепло, кричали цикады и пахло душистыми цвѣтами. Но и тамъ, въ этомъ счастливомъ краю, гдѣ Богъ создалъ все для счастья людей, на ступенькѣ террасы въ эту самую ночь сидѣла темная фигура и грустно глядѣла въ глубокое пространство.

Этобыланяня Наталья Кирилловна.

—Гдѣ-то теперь Женюша? думала она.—Куда ее увезли?

И ей жалко было сироту и хотѣлось быть самой богатой и молодой, чтобы броситься вслѣдъ за Женей, прижать ее къ своему сердцу, унести ее съ собой и уже не отдавать больше никому на свѣтѣ.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Слово состоитъ изъ тринадцати буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13. Буквы 11, 10, 12, 6—означаютъ музыкальный инструментъ, 11, 10, 8, 5, 11, 7, 13—пріятный запахъ.

9, 2, 7, 11, 10, 6—тоже музыкальный инструментъ, 7, 6, 7, 11, 10, 2, 3, 13—человѣка монгольскаго племени, 12, 10, 6, 1, 13—мужской костюмъ, 9, 10, 6, 12, 2, 7, 13—то, безъ чего нельзя писать каранда-

шемъ, 12, 6, 1, 2, 10, 13 — индійскаго фокусника, 5, 11, 7, 4, 5, 6, 7, 2, 1, 11 — названіе науки, 5, 6, 1, 11, 1, 6 — обезьяну, 7, 8, 5, 6, 7, 13 — овощъ, 5, 11, 9, 3, 2, 7, 13 — тѣло природы.

II.

Почему пароходъ отходить отъ берега, какъ только завертятся въ немъ колеса?

III.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, чѣмъ питаются цвѣри и человѣкъ.

2) То, безъ чего трудно обойтись чистоплотному человѣку.

3) Насѣкомое.

Взять отъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ названіе птицы.

Какія слова задуманы и какая это птица?

IV.

Почему люди покупаютъ къ чаю булки?

V.

Задумано названіе города. Изъ составляющихъ его буквъ можно составить слѣдующія слова: 1) часть ноги; 2) мѣсто, гдѣ косятъ траву и сѣютъ хлѣбъ, 3) металлъ, 4) то, что обязательно прививать каждому человѣку, 5) то, на чемъ спятъ. Кромѣ того, въ названіи этого города: 1) женское имя, 2) число, 3) дерево.

Какой это городъ?

VI.

Задуманы шесть словъ, каждое по пяти буквъ. Слова эти означаютъ:

1) То, чѣмъ освѣщаются комнаты.

2) Мягкій металлъ.

3) Строительный древесный матеріаль.

4) Игрушку.

5) То, гдѣ торгуютъ и на чемъ сидятъ.

6) Украшеніе земли.

Третьи буквы каждаго изъ этихъ словъ должны составить собою названіе большого европейскаго города.

Какія слова задуманы и какой это городъ?

VII.

Названія какихъ животныхъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Вокругъ насъ много сель и деревень.

2) Намажьте мнѣ на этотъ кусочекъ хлѣба икры самую малость.

3) У окошка виднѣлись на пескѣ чьи-то слѣды.

4) Чай, сахаръ, масло, гречиха, соль и просо—бакалейные товары.

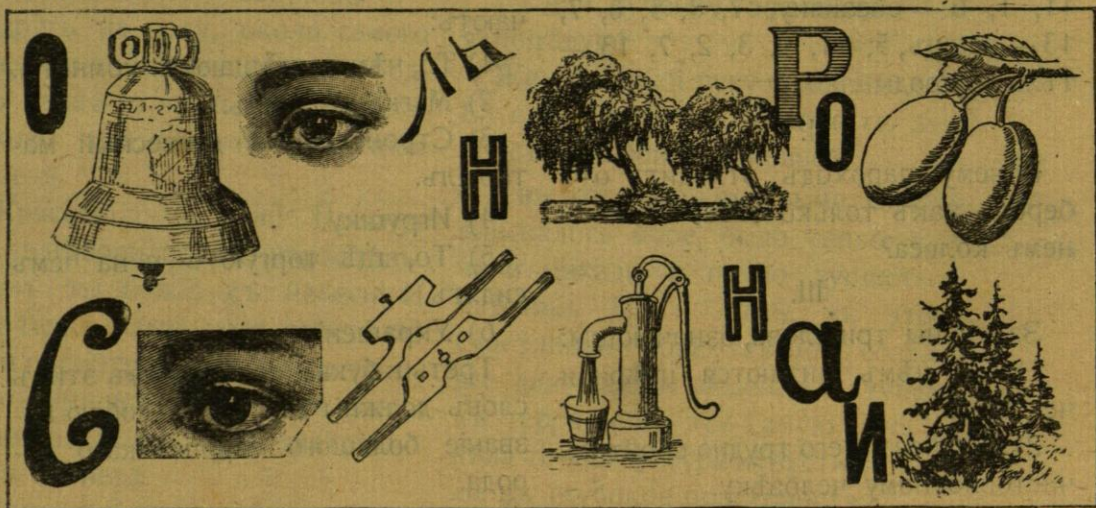
5) Это кушанье скоро варится.

VIII.

Шуточные вопросы: 1) Почему художники рисуютъ красками, а не горчицей?

2) Почему бабочки летаютъ, а ихъ гусеницы только ползаютъ?

Ребусъ № 1.

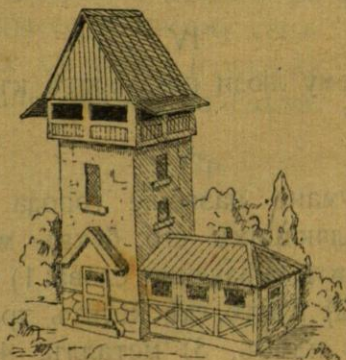
(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 24, помѣщенныхъ въ 23 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Зима... Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обнавляеъ путь. II. Клубни + ка (клубинка), Слива, Петру + шка (петрушка), ...мали + на (малина), ...рѣ + па (рѣпа), ...черни + ка (черника), . . . гру + ша (груша), . . . ды + ня (дыня). III. Кинематографъ. IV. По землѣ. 2) По скату горы Везувія.

Ребусъ № 24. У + ре + кинаго + рѣпа + с + лось + лѣ + томъ + ста + до = у рѣки на горѣ паслось лѣтомъ стадо.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Щ. Хмѣлевскій, К. Рождественскій, О. Шапиро, Ш. Бирюлькина, Я. Пятовъ, С. Герасимовъ, И. Гедике, Г. Тизенгаузенъ, Ю. Локтевъ, П. П. Смирнова, С. Боченковъ, Г. Шафровъ, А. Кирхгофъ, А, и С. Шатовы, Бенуа, В. Кафталъ, С. Лукичевъ, Э. Мартинсенъ, М. Берко, Г. Каганъ, П. Тхоренко, А. Чельшева, Т. В. Ивановы, А. Сарнецкая.

Модель приложеніе къ этому номеру.

ГОДЪ ДЕСЯТЫИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛѦ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски), ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**

(куклы, занавѣсъ, декорации, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложение, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

◆ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ◆

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ
5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписки принимаются въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 Р. 80 К.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.